

Дом ГРОЗЫ

Ксюша Левина

Ксюша Левина

Дом
ГРОЗЫ

Посвящается крестным матерям
этой книги, которые в нее **верили**
и с нетерпением **ждали**. Да, Санта
Светлана, это в том числе и о тебе!

ТОЛЬКО НЕ НА ПОХОРОНАХ ВРАГА

– Покойся с миром, Фандер Хардин. — Нимея ногой скидывает на гроб ком земли, и он разбивается о черную крышку.

Может показаться, что у девушки нет ни капли уважения к усопшему и его скорбящей семье, но она не собирается притворяться, что ей жаль лежащего в вырытой яме человека.

Сколько Нимея себя помнила, Фандер был ее врагом, хотя она дружила с его братом Энграмом. Они жили на одной улице, дом Нимеи стоял в закутке, за садом Хардинов. Это была обратная сторона богатого фасада особняка, не всегда подновленная и вылизанная, в отличие от парадного подъезда.

Нимея постоянно вытаптывала розы миссис Хардин и была настоящей проблемой для домашней прислуги, вылавливавшей «эту девчонку из дома Ноки» за живыми изгородями двора.

Нимея уверена, что Фандер вполне заслужил то, что с ним произошло, нечего пенять на жестокую судьбу. Умереть в тюремной камере после двух лет заключения — лучшее, на что он мог рассчитывать. Быстрая смерть вместо пары десятков лет мучений, которые могли привести к безумию.

Нимея смотрит на огромный портрет, наскоро приколоченный к погребальному шесту, и резко отворачивается. Такие обычно ставят на свежие могилы не самых почетных горожан. Фандер, нарисованный каким-то умельцем, — настоящее произведение искусства, трудно представить, что это не выдумка художника, а портрет с натуры. У него идеально белая кожа, черные локоны, лежащие один к одному, самодовольная полуулыбка и уверенный взгляд изумрудных, неестественно ярких глаз, такой оттенок присущ сильным, даже могущественным магам.

Парень с портрета смотрит немного исподлобья, уголки его губ чуть приподняты, неприятная ухмылка в попытке притвориться обаятельным. Нимея видела, каким он отправился в могилу, и там не было и капли обаяния, скорее обреченность и лютая ненависть к себе. О да, Фандер всю жизнь испытывал отвращение к иным, а оставшись наедине с собой, видимо, направил все эти чувства на собственную черную душу.

Там, под крышкой гроба, у него было изможденное серое лицо, волосы отросли почти до плеч и вместо аккуратной прически походили на беспорядочное кудрявое гнездо. Когда Нимея в последний раз видела Фандера живым, его взгляд был уже совсем потухшим. Заключенным магию наглухо блокируют чем только могут, так что их радужка

становится бледной, как у помешанных оборотней, теряющих человеческую сущность. Нет ничего полезного в том, чтобы держать силу в себе: рано или поздно она погубит.

Нимея ищет взглядом Энграма, который выглядит немногим лучше мертвеца и подслеповато шарит глазами по земле, будто никак не может найти могилу. Он внешне походит на своего брата так сильно, что Нимее больно на него смотреть. Она не может ничего с собой поделать, представляя, что в гробу сейчас мог бы лежать Энг. А еще ее до дрожи пугает чертов портрет, прислоненный к шесту.

Когда-то в семейной галерее Хардинов рядом висели две почти идентичные картины: старший и младший братья. Похожие, если сравнивать черты лиц по отдельности. Носы, глаза, волосы, форма подбородка — все одинаковое, но почему-то у Энга эта мозаика складывалась во что-то добродушное, приятное, невероятно красивое. Даже у самых неприступных девушек в животе порхали бабочки при взгляде на юношу. Фандер же казался порочно-красивым, его внешность скорее пугала. «От него стоит держаться подальше» — вот что думали те, у кого есть хоть немного мозгов.

— Эй, ты как? — Нимея неуверенно сжимает руку Энграма, стоящего рядом.

Он совсем высох за последний год, стал серым, под глазами синяки. Безжизненные волосы поредели, и все больше становится виден лоб, прежде всегда прикрытый буйными черными кудряшками. Энг кивает, а глаза мертвые — застыли на яме, вырытой наспех в земле.

— Омала? — Мать Энграма и Фандера тоже кивает, она не потеряла достоинства, но все-таки могло

показаться, что по ее щеке пару минут назад сбегала слезинка; она не успела высохнуть, а за ней уже следует новая.

— Все хорошо, дорогая...

Дорогая... Три года назад Нимея даже не могла подумать о том, что услышит по отношению к себе такое обращение — «до-ро-га-я». Как много в этом слове фальши и лицемерия. И кому это она так дорога? Но девушка знает, что Омале сейчас необходима эта пафосность, иначе недолго до того, чтобы броситься вслед за старшим сыном в могилу на глазах восторженной толпы. Если нужно, Нимея выдержит даже парочку отборных ругательств в свою сторону, потому что терять ребенка — даже если это подонок Фандер, — скорее всего, нестерпимо больно.

— Сворачиваемся, — гаркает тюремный надзиратель, который любезно позволил родным и близким проститься с заключенным номер три-ноль-пять-восемь-четыре.

Это самые скромные похороны на памяти Старого Траминера, даже монахинь с погребальными песнями не позвали, и никто не осыпает гроб лепестками цветов, из которых на том свете Черные феи свяжут бессмертной душе одежду. Все вообще как-то неправильно.

— Энграм! — Омала манит сына, и тот медленно, опираясь на ее руку, бредет в сторону ожидающей их машины.

Костюм на нем висит мешком, а когда-то не просто был впору, а идеально подчеркивал фигуру, потому что шился на заказ.

— Нимея? — Ее окликают, и прощания с Энграмом не получается, впрочем, сейчас это вовсе не

важно. Едва ли он обратил бы внимание на нее и ее слова. Он стал совсем плох к концу недели.

Нимея провожает его взглядом и только потом откликается на зов. На лавочке под огромным дубом сидят лучшие бывшие друзья Фандера: Листан Прето, Якобин Блауэр и Рейв Хейз. Их руки засунуты в карманы курток, все трое ежатся от холода и осеннего ветра, не рыдают и не бьются в истерику, отчего Нимея кажется, что эти похороны выглядят фальшивкой.

— Через час стемнеет, — тихо сообщает Листан.

Он такой хорошенький, что походит на девчонку. Носит длинные волосы до лопаток: гладкие, белые и ухоженные. Одежда с иголочки: модные воротники-стойки и непременно какой-то амулет под горлом.

— Встречаемся через два, — кивает Нимея.

Кидает последний взгляд на яму, которую как попало забрасывают землей, чтобы не пришлось заканчивать с этим ночью.

— Эй! — кричит ей в спину Рейв и поднимается со скамейки. Он значительно выше Нимея, такой же сладкий, по ее мнению, блондин, как и Листан, но его лицо более мужественное, а прическа до безобразия небрежна. — Ты уверена, что все сработает?..

От боли в его голосе можно прослезиться. Нимея отворачивается, сглатывает и прикрывает глаза, чтобы ненароком не расчувствоваться. Только не на похоронах врага, ну уж нет.

— У нас нет выбора, так что, полагаю, все сработает. — Она пожимает плечами, разворачивается на каблуках, делает два шага, а на третий земли касаются мягкие массивные волчьи лапы.

Мир меняется стремительно. Раз — и рухнула цивилизация, а на ее обломках кто-то радостно построил новую. Если задуматься, так было всегда, но почему-то, только наблюдая за происходящим изнутри, кажется, что затягивает в сумасшедший водоворот, на дне которого огромная промышленная мясорубка, перемалывающая кости и рвущая жилы. Когда в мясорубку попадают какие-то посторонние люди из учебника истории — это одно, но когда на их месте ты, хочется кричать: «Вот черт, я, блин, только начал жить, вы совсем охренели? Верните все как было! Давайте не сейчас, не со мной...»

Нимея не хотела думать, что станет одной из тех, кого новый мир уничтожит, и даже надеялась, что раз он расправлялся с ее врагами, то это своего рода бронь от неминуемой смерти. Но все идет к тому, что никакой брони и вовсе не существует. Все по какой-то причине равны перед стихией.

Мерзкий, мерзкий Траминер. Нимее он противен, как подыхающий слизень, лежащий на солнце, и, если бы не обстоятельства, она бы давно унесла отсюда ноги.

Когда-то это место принадлежало истинным: так называли себя маги земли. Они были хилым народцем с огромным самомнением. Не могли обойтись без тонны магических артефактов, их заклинания были слабыми и бесполезными, зато истинные имели вековые традиции, слепую уверенность в своем превосходстве и много-много денег, не ударив пальцем о палец.

Три года назад не стало Старого Траминера — черной гнилой страны, заложниками которой были

сотни магов, черпающих энергию из воды, воздуха, огня, леса и еще черт знает чего.

Все время Нимея жила в стране, где процветал расизм, и таких, как она, — иных — втапывали в грязь. И вот революция, бунт, и не стало Старого Траминера. В тюрьме оказалась вся правящая элита. Те, кто был послабее, просто медленно умирали от беспомощности. Они не умели работать, не умели выживать без слуг, магии, артефактов и денег, конфискованных новым правительством. Теперь Траминер принадлежал тем, кто раньше боялся даже нос из дому высовывать. Иным. Во главе стоит Экимец, а в Большом Доме, где раньше сидели важные истинные и писали свои никчемные законы, теперь иные пытаются создать общество, живущее в равноправии и мире.

Свобода.

Счастливая жизнь.

Увы. Нет.

Новый мир обещал столько прекрасных возможностей, а превратился в сущий кошмар, потому что вчерашние пленники системы посходили с ума. Нимея смотрела на то, как разрушаются прекрасные дома истинных магов, что содержали их раньше за бешеные деньги, и процветает разбой на обнищавших улицах. Она снова возненавидела Траминера. Почувствовав свободу, иные решили, что самая лучшая идея — это месть тем, кто унижал их годами. Самая ужасная идея — мстить за месть и губить зло большим злом. Фандер Хардин оказался в тюрьме по той же причине: отмщение. И Нимея могла поклясться, что видела улыбки на губах тех, кто закапывал его тело.

Теперь уже все покинули тюремное кладбище. Над ним стоит тихая осенняя ночь, даже ветер сжался и утих. Нимея ежится в ожидании напарников, сидя на той самой скамеечке, у которой прощалась с ними два часа назад.

Когда-то тут хоронили аристократов. Надгробия украшают скульптуры и высохшие чаши крошечных фонтанчиков с вычурной резьбой, окруженные черными, блестящими от только что прошедшего дождя оградками и коваными лавочками. Быть похороненным тут — в живописном месте недалеко от океана и траминерского черного леса — было привилегией. Сюда водили экскурсии, чтобы показывать могилы знаменитостей, тут стояли настоящие родовые склепы старинных траминерских семей. Но кладбище стремительно приходило в упадок. Надгробия и склепы сносили, когда требовалось место для очередного почившего заключенного. На месте фонтанчиков и скульптур стоят воткнутые в землю таблички с выгоревшими на солнце портретами и скупой информацией о мертвеце.

Однако, если не смотреть в сторону новых захоронений, все еще может показаться, что Нимея прикасается к истории. Она борется с желанием встать и прогуляться мимо надгробий, почитать имена, поискать знакомых. Тут не могло быть ее родных. Родина оборотней — Фолье, им нечего делать в земле траминерских аристократов. Для таких, как она, есть отдельное кладбище в районе порта Небиолло, но, быть может, она могла бы найти тут знакомые фамилии своих нынешних друзей?

Забавно, что товарищами Нимеи стали истинные маги из чистых семей, которые когда-то были

по другую сторону баррикад. Рейв, Якоб, Листан — лучшие друзья Фандера. Мерзкая компашка старост из Академии Весны, где когда-то Нимея даже не успела окончить первый курс из-за грянувшей революции, стала теперь и ее компанией. Никто не решался называть произошедшее гражданской войной, хотя в чем, в сущности, разница?

От каждого выдоха в воздухе образовывается облачко пара. Одежда кажется неудобной и слишком тесной. Отсутствие ветра не спасает от холода, ботинки промокли. Тишина давит. Дух смерти невозможно не чувствовать. И больше всего на свете хочется уйти, но малодушной или трусливой Нимея не была, а пребывание тут стало вопросом жизни и смерти.

— Нимея?

— Наконец-то! — Она встает навстречу друзьям и слатывает.

Сейчас? *Сейчас.*

— Давайте живее, не хочу тут долго торчать. Справитесь без лопат?

— Разумеется. — Якоб манерно кланяется, и его светлые кудряшки падают на лоб.

Якоб, Листан и Рейв встают у могилы друга, переглянувшись.

— Портрет убрать нужно, — роняет Рейв. Ему не по себе. Он переминается с ноги на ногу и смотрит на свежую землю так, будто она сейчас развернется и поглотит всех в свои недра следом за Фандером.

Нимея не ждет, что это сделает кто-то из парней, она давно хочет заняться хоть чем-то, чтобы не торчать у могилы столбом в ожидании развязки. Подходит и с силой тянет за погребальный шест.

Здоровенный портрет Фандера оказывается у нее в руках, и, замерев на пару секунд, Нимея опускает его на скамейку, не решившись бросить в кусты. Собирает траурные лампадки, цветы, которыми усыпали свежую землю. В памяти воскресают люди, которые принесли сюда эти похоронные атрибуты, становится даже жаль, что приходится тревожить то, что они считали важным.

Пока Рейв, Листан и Якоб, подняв руки, напевно шепчут длинную формулу, состоящую из нескольких заклинаний, Нимея укладывает букеты в аккуратную кучку и никак не может посмотреть на то, что происходит с могилой ее врага.

Парням, кажется, сложно достать гроб из земли с помощью магии, хотя три года назад каждый из них мог бы это сделать не напрягаясь. Все так изменилось, Нимея их даже жаль.

— Нем, мы закончили, — негромко зовет Рейв и отступает, открывая ей обзор.

Идеальные черные фраки парней все в земле, они отряхивают руки и вытирают взмокшие лбы. Магия будто запустила какой-то хитрый механизм: земля пенится, трясется, и черный гроб появляется на поверхности. Почва, рвущаяся вверх вместе с ним, всасывается обратно и спустя пару минут становится совершенно ровной, даже притоптанной, а гроб стоит сверху совершенно чистый.

— Ого, — шепчет Нимея, пока парни самодовольно отряхиваются. — Ну хоть где-то пригодилась ваша великая сила. Может, вам открыть ритуальное бюро?

И все трое, закатив глаза, начинают ворчать, что в Нимея нет ни капли уважения и благодарности.

— Что верно, то верно, — бормочет она, подходя к гробу.

У Нимеи к горлу подкатывает тошнота, потому что встретиться с тем, что там спрятано, совсем не просто.

— Нем? Мы можем сами...

— Вы шутите, девочки? — усмехается она, и это звучит убедительно.

Нимея привыкла быть сильнее всех и уж тем более не может допустить, чтобы кто-то решил, будто у нее труп Фандера Хардина вызывает какие-то особые эмоции.

Она касается гладкой ледяной крышки, остро пахнущей сырой землей и смертью. Эта деревяшка стоит как ее съемная квартирка, не меньше. Массивная, с вычурной резьбой, серебряными украшениями и множеством светящихся рун.

Один за другим Нимея открывает замки, с глухим звуком они ударяются о дерево, и это звучит почти оглушающе, потому что и парни, и кладбище, и птицы на ветвях деревьев — все затихло в ожидании, когда с делом будет покончено. Крышка приоткрывается, и хватает легкого усилия, чтобы ее откинуть.

Фандер Хардин, одетый в черное, лежит на белом шелке. Даже его рубашка, застегнутая под самое горло, оттеняет мертвенную бледность, соревнующуюся с белой обивкой гроба. Как ни старались нанятые Омалой сотрудники похоронного бюро сохранить лицо нетронутым, смерть оставила на нем отпечаток. Щеки впали, губы ссохлись. Чересчур длинные волосы кто-то зачесал назад при помощи геля, последнее выглядит просто глупо.

— Ему совсем не идет... — тихо произносит Нимея, а потом напрягается, поняв, что ее могли услышать.

— Что?

— Быть трупом, разумеется, — тут же отвечает она и закатывает глаза, делая вид, что парни, как обычно, ничего не понимают.

— Как мы это сделаем? — шепчет Рейв.

— Омала... Она уже должна была прийти, — шепчет в ответ Нимея, глядя на мертвое тело перед собой.

— Меня сейчас стошнит, — бормочет Листан. — Если ничего не получится, ты, Нимея Нока, отправись в эту же могилу. — Он отходит от гроба и садится на скамейку.

По лицу Рейва трудно понять, о чем он думает, но Нимея кажется, что ему как минимум жаль ушедшего друга. Якоб опускается перед гробом на корточки и рассматривает Фандера, сдвинув широкие брови на переносице.

— Ты как? — спрашивает у него Рейв.

— Странно... не знаю. Мы с ним всего пять лет назад... Да что там, три года назад он стоял рядом с нами и... — Он трет лицо руками и утыкается носом в крепко сжатый кулак. — Мы столько всего пережили вместе. Он наш друг. Самый близкий. И он лежит тут...

Якоб не говорит больше ни слова, видимо, сдерживая рыдания, а у Рейва по щеке катится слеза. Это трогательно, и Нимея почти в состоянии поверить, что Фандер кому-то настолько дорог.

— Как думаете, — тихо спрашивает она, рассматривая Хардина; его лицо такое застывшее, что сложно представить, как всего неделю назад на нем могли проявляться эмоции, губы шевелиться, а веки открываться и закрываться, он больше похож на идеальную фарфоровую куклу, — он хоть кого-нибудь